

Живет в Нью-Йорке (США).

ОБ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ ЖЕНСКОЙ КРАСОТЫ

И надо ж было ляпнуть (вот кретин!):
«Ты, Жанка, фейсом не Шехерезада,
Зато другое у тебя – тротил,
К примеру, форма бедер. Проще – зада».

Иное дело – Таня... Хороша!
Я чувством к ней, как танком разворочен...
Еще у Жанки золото – душа
И бес в зрачках. Но это мелочь, впрочем.
Ей звездным часом был мой комплимент:
«На курсе нет тебя грудастей, Жанка!»
И память сердца – солнечный момент,
Когда под локоть взял кудрявый мент:
«Пройдемте, интересная гражданка...»

Шумело море, падала листва,
У Жанки жизнь прошла разнообразно...
И было даже в ней однажды два,
Во сне, но – сногшибательных оргазма!

Амур ни в жисть не экономил стрел,
Под их расстрел шли тьмы и тьмы поклонниц...
Ах, да! Еще на пляже так смотрел

То ли якут, то ли, вообще, японец!

Пришел с работы. Кошку покормил.
Открыл окно: весенний вечер – диво!
Как здорово устроен этот мир!
Но все-таки чуть-чуть несправедливо.
Рубиновым браслетом отблестев,
Издых закат. Еще один – и ладно!
Узоры фар в ночном пространстве стен,
И слепнет память – пятна, пятна, пятна...

Всю жизнь влюблялся я в красивых стерв,
И чем оно закончилось – понятно.

ВРЕМЯ

Так давным-давно, что просто – быль,
Вехи исторических коллизий.
Втоптан в рыжий камень, в снег и пыль
Лязг на фронт шагающих дивизий.

Смыло время выражение лиц,
Блики глаз – зеленых карих, синих...
На перронах трепет белых птиц –
Девичьих застиранных косынок.

Отзвуки, осколки, острова
Мертвых гимнов и забытых песен...
Из дивизий выросла трава,
А на месте девственности – плесень.

Затерялся бабушкин коралл,
Сгнил в сарае старый графский столик,
А медали-ордена украл
Родственник, стукач и алкоголик.

ДРУГАЯ ЖИЗНЬ

Под лунным звоном – медленным, медовым,
В разгаре необузданной весны
Уставшим женам и бедовым вдовам,
Про страсть и нежность вновь приснятся сны.

От смеха, песен и любовных драм
Стоял в квартирах тесных тарарам.
И были наши бойкие подруги
Доверчивы, податливы, упруги,
И двести грамм спасали по утрам.

Пока тела потели, пили, пели,
Плясали всласть и комкали постели,
Храня себя от лезвий и петель,
Толпились наши души на панели
И незаметно день за днем тускнели
От глупых достижений и потерь.

Мы выжили... Сидим, галдим о разном.
А разное накрылось медным тазом
И разговор наш пьяный и простой.
Я скоро дед, он снова холостой.
Сидим, галдим – он тенором, я басом.
И смотрит нам в затылки мутным глазом
Другая жизнь по имени «застой».